

УДК 008:304.3

ПРОБЛЕМА РАЗРУШЕНИЯ ПРИВАТНОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ: ГРАНИЦА ТЕЛЕСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Т.В. Волкова

Филиал ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры»,
г. Тверь

Рассматриваются процессы разрушения границы телесности, происходящие в современной российской культуре. Телесность представлена как центр повседневного и частного пространства личности. Выявляются основные линии адаптации, порожденные деформацией границы телесности.

Ключевые слова: тело, телесность, повседневность, частность, адаптация, стресс.

Научное осмысление, предметом которого выступает феномен телесности, приобретает значительную актуальность, что объясняется потребностью анализа радикальных изменений в повседневности. Тело является не только биологической, но и культурно-семиотической системой. Граница телесности контролируется культурой, между телом и культурой происходит информационный обмен. Именно поэтому тело вполне приемлемо рассматривать как объект исследовательского интереса культурологии, а тенденция изменения типа телесности становится серьезной культурологической проблемой, осмысление которой необходимо для определения сущности процессов разрушения соматической границы в современной культуре, а также в целях выявления возможных последствий и перспектив названных тенденций.

Нормы и ритуалы, которым подчиняется человеческое тело, выполняют адаптивную и регулятивную культурные функции, снижают социальную энтропию. В то же время культура представляет собой сложный сектор контроля и подавления (А.Я. Флиер). Встроенные в повседневность «правила» телесного существования (в терминологии французского социолога М. Мосса «техники тела») зачастую нефункциональны, неконструктивны и даже физиологически вредны. Примером может служить хождение на высоких каблуках, ношение корсетов, публичный приём пищи, «метки» в виде татуировок, пирсинга и др. Тем не менее названные «правила», в целом не способствующие физиологическому и психологическому здоровью индивида и группы, нередко кодифицированы в качестве культурной нормы. Однако стоит помнить, что представления о норме культурно специфичны (Р. Бенедикт), кроме того, добавим, что они могут изменяться в разные исторические срезы в рамках одной и той же культуры. Современную Россию затрагивают общемировые тенденции, связанные с негативным изменением типа те-

лестности. В работах современных авторов фиксируется процесс предельного подчинения биологического тела культуре [2].

Феномен телесности возникает как результат взаимодействия биологического тела и культуры, т. е. имеет социокультурный характер. Тело выступает как неотчуждаемая данность, наиболее близкое, привычное, в норме полностью контролируемое пространство с упорядоченной организацией и очень устойчивой границей. Его нельзя представить как нечто отдельное, любой человек трудновообразим вне своего тела (религиозные представления о душе без тела всё равно противопоставляют её бытию в теле). Факт обладания телесным уровнем бытия настолько привычен, что редко становится предметом рефлексии в повседневности. Только нарушение привычности (не только внезапное ощущение боли или дискомфорта на телесном уровне бытия, но и невозможность осуществления привычных функций повседневной жизни, например, в случае труднопреодолимой болезни) приводит к чёткому осознанию и переосмыслению этой данности. Осознание конечности бытия в некоторых случаях связано с актуализацией острого переживания утраты биологического тела, которого человек зачастую боится лишиться в первую очередь. В то же время обостряется вопрос иных перспективных форм существования уже вне телесной оболочки.

Для разных людей характерны особенности переживания телесной границы, выделяется группа наиболее чувствительных к ее нарушению, что свидетельствует о высокой степени личностной автономии и независимости. В норме тело (траектории движения, действия) субъекта повседневности полностью подчинено его воле. Сама утрата этой способности может стать причиной смертельного стресса.

Вторжение за пределы соматической границы особенно чувствительно и стрессогенно по сравнению с нарушением иных форм приватности. Более того, разноуровневое разрушение границы приватного бытия личности в первую очередь вызывает реакции защиты на физиологическом уровне существования тела – соматовегетативные проявления стресса, вызванного этим нарушением. Российские авторы А.А. Тягунов, Е.А. Евстифеева, Э.Ю. Майкова, А.Г. Козлов отмечают, что «пристрастное, “тотальное” наблюдение (телефонное и электронное прослушивание, визуальное наблюдение, сбор, накапливание и сопоставление с помощью компьютерных информационных систем огромного количества персональных данных), приводит к деструктивным личностно-социальным последствиям, негативизму в индивидуальном и массовом сознании» [17, с. 13]. Исследования этологов и зоопсихологов демонстрируют, что пространственное поведение животных и человека имеет ряд сходных черт, связанных с проявлением инстинкта территориальности. Но, в отличие от человека, животные не наделяют это пространство значением, не семиотицизируют его.

Ж.-П. Сартр писал о том, что человек переживает своё тело как находящееся в опасности [10, с. 506]. «Своё» тело противопоставляется «не-своему», «чужому», статусом которого обладают как тела Других, так и неодушевленные вещи. Поскольку тело воспринимается как собственность, человек на уровне инстинктивного поведения охраняет и защищает его от любых внешних вторжений, несущих опасность. В этом случае чувство приватности распространяется как на само тело, имеющее вполне определенные границы, так и на некоторое расстояние вокруг него, именуемое личным пространством человека, в сознании которого оно представляет собой физическое расширение границ тела. Кроме того, другие зоны приватной повседневности – одежда и дом также неприкосновенны, поскольку выступают в качестве барьеров, ограждающих тело от потенциальной угрозы, делают его менее уязвимым. Одежда и предметная среда (жилище, личные вещи) являются внешними зонами пространства телесности со своими границами.

Как центр пространства повседневности тело мыслится наиболее стабильной, неизменной и завершённой системой. Для верующих людей тело осмысливается как продукт творения, самовольные трансформации телесной границы считаются недопустимыми. Однако в современной России наблюдаются обратные процессы, интенсивность и масштабы которых обретают черты культурной девиации. Процесс деформации телесной границы обуславливает разрушение приватного пространства в самом центре. Между тем прочность границы соматической приватности и доминирующий тип телесности выступают индикатором благополучия культуры в целом, поскольку телесность является транслятором социокультурных кодов и представлений индивида о себе самом.

Сегодня тело уже не может быть репрезентовано как неизменная система, наоборот, человеку навязываются представления о необходимости постоянных изменений телесности, следуя за шаблоном моды, возносящей в ранг образца те или иные телесные характеристики. Тело, не подходящее под модный шаблон, оценивается негативно. Жизненная неустроенность и неуспешность нередко связываются с нереализованными возможностями по преобразованию собственного телесного облика.

Трудно прогнозируемы последствия экспериментов над телом, основой для которых служит развитие биотехнологий, биоинженерии, программ клонирования и др. Уже относительно привычными стали случаи смены половой принадлежности, в центрах планирования семьи составляются генетические программы для обеспечения «нужных» и «желаемых» характеристик будущего ребёнка. Подобные проекты сегодня специалисты называют «приватной», «семейной» или «домашней» евгеникой [16, с. 11], направленной в конечном счёте на продление биологической жизни тела.

Медикизация культуры, косметизация, культ здоровья (включая «паранойю здоровья») [8, с. 71, 82], стандарты моды, акцентуация

потребительских интересов и гедонизма, изменение телесных практик, тяготеющих к большей публичности, характерные для российской культуры, являются современными механизмами разрушения границы телесности. Согласно М. Дери, сегодня тело превращается в объект для контроля и модифицирования, вещь для дизайнера [3, с. 318], теряя изначальную и естественную закрытость и ограниченность. Новейшие технологии преобразования телесности размывают границу между человеком и вещными объектами, напрямую относящимися к небиологическим сферам.

Тело нередко становится объектом «карательных анатомий» (М. Фуко) со стороны социума: на него воздействуют тюремным заключением, принудительными работами, предписанием дресс-кодов, запретами на косметику. Например, в 1920-е гг. в СССР пользование косметикой объявлялось буржуазным пережитком и мешанством. Сегодня предписания, касающиеся внешнего вида, распространены во многих социальных сообществах, примером может служить коллектив офисных работников. Разумное применение подобных правил может не нести серьезной угрозы, в ряде случаев являясь даже социально полезным. Однако излишнее количество запретных мер в области приватного пространства, тяготеющих к насаждению «униформности», несомненно, чревато негативными социальными и культурными последствиями. В этом случае приватные границы соматического пространства становятся предельно уязвимыми. Внимание к собственному телу, внешнему облику необходимо и оправдано требованиями социальной гигиены, однако слепое подражание является продуктом неконтролируемых культурных процессов и моральной незрелости. Если в прежние эпохи устойчивый и вполне определённый телесный канон был связан с установлением разного рода границ, то сегодня произошло стирание всяких границ, включая гендерные. Сегодня нет канона телесности, однако не существует и разнообразия в выборе телесного облика. Причем «образы» телесности, транслируемые каналами моды, освобождают от необходимости самостоятельного выбора. По словам Г. Зиммеля, в этом случае индивид выступает как творение группы [4, с. 267].

Масштабы социального контроля над пространством приватного неуклонно расширяются. В ситуации, когда нарушения границы приватного становятся регулярными, проекты, направленные на усиление контроля, не представляются оправданными. Приходится констатировать гиперконтроль со стороны социокультурных институтов и даже манипулирование. Человек лишён возможности удовлетворения естественных и объективных потребностей с помощью свободно и разумно выбранных средств.

Следствием этих процессов становится рост различных патологических состояний, порождаемых культурой, в т. ч. таких, как дизморфомания и нервная анорексия. Они проявляются в неадекватном вос-

приятии человеком своего тела, недовольстве собственной внешностью, стремлении к коррекции физического недостатка, патологическом пищевом поведении, сознательном отказе от еды, приводящем к ярко выраженным нарушениям, вплоть до летального исхода, о чём регулярно появляются сообщения в прессе, сети Интернет и медицинских изданиях. Соматическое пространство превращается в образование, находящееся под чужим контролем, стремительно и агрессивно распространяющимся по информационным каналам рекламы, моды, массовой культуры.

Мы считаем целесообразным выделение двух линий адаптации в современной российской культуре, появление и развитие которых обусловлено данной ситуацией: с одной стороны – стремление к сохранению прочной границы сферы телесности, поиск механизмов её защиты и укрепления; с другой – добровольное разрушение телесной границы, «опубличивание» телесных практик.

Первая адаптивная стратегия предполагает повышение высокой чувствительности к прямому или условному нарушению границ соматического пространства. Попытки пересечения границы «приватного», совершающиеся в порядке принуждения, приводят, помимо очевидных физиологических реакций организма, к закономерно возникающим душевным переживаниям, чувству стыдливости и внутреннему протесту. Как было указано выше, телесность является системой, включающей как психофизиологический субстрат, так и культурно обусловленную знаковую систему. Отсюда следует, что всё, относящееся к области телесного бытия, не должно становиться объектом культурной репрессии, публичного интереса, обсуждения и использования (персональные данные, факты биографии, семейные, медицинские тайны, личная переписка и др.). Телесные практики (питание, сон) в норме протекают в границах приватного, что связано с биологической потребностью человека в укрытости и безопасности, закреплённой и даже усиленной культурно.

Боязнь и неприятные ощущения вызывает прикосновение чужого тела, особенно в летнюю жару в условиях тесноты и давки в транспорте или очереди, когда ужасающая перспектива такого прикосновения становится неотвратимой реальностью. Чужая телесная нечистота инстинктивно отталкивает, нередко омерзение вызывает запах пота, кариозные зубы, грязь под ногтями, несвежая одежда, неприятный запах парфюмерии. Повышение санитарной культуры усугубляет нежелания подобного рода соприкосновений с чужой телесностью или её следами. Основоположник проксемики Э. Холл, выделяя несколько групп коммуникативных дистанций, которые можно представить в виде концентрических зон с субъектом повседневности в центре, указывает, что первые два круга определяют и устанавливают границы «интимной дистанции» (от 0 до 45 см) и «персонального расстояния» (от 45 см до 120 см) [18, р. 113–125]. Они совпадают с границами пространства физической и психологической безопасности отдельного индивида, остро реа-

гирующего на их нарушение. Для многих неприемлемой оказывается возможность пользования общей посудой, полотенцем, косметикой. Некоторые отказываются от посещения мест общего пользования в публичном пространстве.

В условиях коммунальной квартиры дистанцироваться от пересечений границ чужой телесности невозможно, поскольку «общие места» коммуналки являются зоной неизбежных соприкосновений. Приведем слова жительницы коммунальной квартиры в Петербурге: «Это мне должны доплачивать за моральный ущерб, потому что я вынуждена пользоваться одним унитазом с посторонними мне людьми!» [13, с. 26]. Человеку свойственно стремление сделать различные аспекты своего телесного существования как можно менее заметными, максимально скрыть их. Этому частично способствуют этикетные нормы, предписывающие, например, не сморкаться на публике и др. Однако, по справедливому замечанию английского философа Г. Райла, скрыть полностью телесное бытие невозможно: «Телесные процессы и состояния могут рассматриваться внешними наблюдателями. Таким образом, телесная жизнь человека столь же публична, как и жизни животных...» (цит. по: [12, с. 97]). В целом соглашаясь с этим утверждением, отметим, что человек располагает культурными способами ограничения доступности для вторжения «публичного», не случайно в научной рефлексии тело осмысливается как «среднее звено» между «природным» и «культурным».

В норме люди испытывают дискомфорт от попыток чужеродного вмешательства внутрь телесных границ, даже если это необходимо и не сопряжено с болью и опасностью. Негативная реакция многих на вживление имплантантов (зубные имплантанты, вставные суставы, сердечные клапаны), пересадку органов свидетельствует о том, что человек не обладает психологическим иммунитетом к внедрению в организм чужеродных объектов. Стрессовые психотические реакции были зафиксированы ещё пионерами трансплантации, они отмечены и в специальной литературе, предназначенной для ограниченного сообщества медиков. Так, М.И. Буянов отмечает, что в современной российской культуре наблюдается рост фобий, связанных с пересадкой органов [1, с. 119]. Защитные приёмы, в т. ч. на уровне безусловных рефлексов, преследуют цель восстановления нарушенной границы, предотвращают проникновение внутрь. Даже находясь в бессознательном состоянии, стыдливые люди иногда пытаются защититься движением руки от медосмотра. В перспективе динамики современной культуры актуализируется проблема вживления подкожных микрочипов и процессоров, обеспечивающих быстрое распознавание личности и возможность слежения. Подобные технологии разрушают телесную границу, лишая человека приватного существования. Среди консервативно-религиозных людей сама идея замены органа выглядит абсурдно-богохульной («Бог создал человека без запчастей»). В свете тенденций интенсивного научного прогресса, по-

родившего уже такие технологии, как детектор лжи, пророчества футуролога Э. Тоффлера о том, что в скором времени привычным станет внедрение в тело специальных датчиков для измерения давления, температуры и прочих параметров организма, уже не представляются несбыточными [11, с. 229–230].

С другой стороны, наблюдается противоположная тенденция современной российской культуры: потеря чувствительности к нарушению границ соматического пространства. У человека появляется всё больше возможностей трансформации своей телесности, собственное тело воспринимается не как достаточно стабильная биологическая данность, а только как культурный текст, который можно видоизменять по собственному усмотрению, если только его не сдерживают табу, полагаемые культурной традицией. Нарушается баланс в системе отношений между «природным» и «культурным» в границах телесности, «природное» постепенно вытесняется искусственными элементами. Н.Б. Лебина, М.В. Шкаровская свидетельствуют, что «украшение» себя татуировками в дореволюционном русском обществе прочитывалось почти исключительно как знак аморальности и принадлежности к социальному «дну» [6, с. 50–56]. Некоторые обладают абсолютной уверенностью в том, что сделанная татуировка или пирсинг выступают в роли знака, который обеспечит успешную интеграцию в желаемое культурно-семиотическое поле. На практике подобные ожидания в полной мере не оправдываются. Последствия подражательных нарушений естественных границ тела могут оказаться печальными, например, привести к деперсонализации, когда собственное тело становится чужим и человек перестает ощущать себя его владельцем.

Различные искусственные деформации тела, сопряжённые с нарушением целостности кожного покрова, вплоть до травмирования, которое совершается в добровольном порядке и распространяется далеко за рамки среды субкультур, практики косметических и пластических операций, пирсинга, татуировок, бодиарта, бодибилдинга, уже стали прочными и опасными тенденциями современности. Ч. Ломброзо оценивал подобные соматические трансформации как проявление атавизма, биологического регресса, признак физической и нравственной дегенерации. По его мнению, носителями названных знаковых элементов соматического пространства в большинстве случаев являются т. н. «маттоиды», деградирующие и вырождающиеся личности, обладающие атавистическими анатомическими особенностями и врожденными порочными наклонностями. Акты телесной деформации (татуировка, пирсинг, пластика и т. п.) небезболезненны, однако Ч. Ломброзо указывал на то, что «маттоидный» тип личности, помимо иных характерных признаков, обладает сниженной чувствительностью, следовательно, легче переносит болевые ощущения [7, с. 174]. М.И. Буянов пишет о таких

практиках как ярком атрибуте массовой инфантилизации и феминизации [1, с. 120–137].

Выражением второй стратегии жизнеустройства являются значительные изменения, тяготеющие к «открытости», которые затрагивают телесные практики, являющиеся важной формой приватного пространства. На базе широкого круга источников немецкий социолог Н. Элиас [15, с. 242] показывает, что с ростом и усложнением цивилизации происходит расширение границ стыда и чувства неприятного, что, в свою очередь, определяет перемещение телесных практик в пространство «приватного», прочно отграниченного от «публичного». Все, что связано с областью телесного, включая физиологические оправления (сморкание и плевание), постепенно изолировалось, заключаясь в физические границы (особо отведенные места, функциональные зоны дома). В ряде случаев культура выработала семиотические способы ограничения – запрет на публичное обсуждение ряда тем, эвфемизмы. Стыд, связанный с обнажением тела, усиливается в процессе культурного усложнения и является феноменом, характерным исключительно для человека. По словам французского философа М. Мерло-Понти, здоровый человек никогда не показывает тело просто так, ибо чужой взгляд лишает субъективности, превращая тело в объект, вещь [9, с. 221]. Действительно, взгляд в упор, прямое разглядывание противоречит культурной норме, призванной выступать в качестве защитного механизма, обеспечивающего поддержание приватности.

Современная ситуация демонстрирует обратные процессы, что может быть интерпретировано как знак регрессивного вектора в динамике культуры. «Телоцентризм» влечет исчезновение стыда, большую свободу поведения, гедонистическую акцентуацию, возрождение традиций промискуитета и т. п. Названные явления уже стали устойчивым аномальным сценарием поведения. Помимо того что в современной культуре исчезает гендерная граница в выборе одежды, мода тяготеет к максимальной телесной оголённости, что свидетельствует об изменении отношения к наготы в самой культуре. По мнению Ч. Ломброзо, недостаточно развитое чувство стыдливости, проявляющееся в т. ч. и в склонности к выбору чрезмерно открытой одежды, является одной из самых характерных черт нравственного деграданта, совершающего биологический регресс [7, с. 132], а в массовом порядке это говорит о кризисе культуры. Результаты социологических опросов ФОМ свидетельствуют, что у 11 % россиян слишком открытая одежда вызывает неприязнь: «разврат полнейший молодежи в одежде, никакая не мода, а просто разврат»; «девушки слишком голые»; «молодежь агрессивно одета, оголена»; «молодые всё пузо свое напоказ – это плохо, пупы видны» [14]. Л.А. Китаев-Смык пишет, что «мода, обнажающая женщин, ведёт европейские цивилизованные этносы к депопуляции (вымиранию)»; «у всех российских народностей еще в XIX в. женская одежда

прикрывала тело просторными долгополыми платьями, сарафанами и т. д.), «народы, этносы, культивировавшие оголенность <...> исчезли со страниц истории и были замещены другими» [5, с. 280–281].

Приём пищи как важный элемент приватного в современной России всё более «опубличивается». Стеклопанельные стены кафе и закусочных, обрамлённые тонкими металлическими каркасами, делают возможным наложение пространств внутренней сферы здания и улицы друг на друга. Можно предположить, что процесс абсолютизации этих явлений оказывается очень интересным для построения антиутопических теорий общества будущего. Понятно, что использованная в планировке кафе эстетика прозрачности служит вполне определённым коммерческим целям привлечения новых клиентов, поскольку созерцание процесса поглощения пищи другими стимулирует и собственный аппетит, однако даже само выставление удовлетворения этой потребности на всеобщее обозрение физиологически вредно. Процесс быстрого поглощения пищи в публичных условиях нарушает рефлекс слюноотделения и моторику мускулов, отрицательно сказывается на пищеварении, снижая и пользу, и удовольствие от пищи. Не случайно ещё И.П. Павлов создавал экспериментальный стресс, нарушая процесс еды. Кроме того, в современной России среди общих тенденций стандартизации образа жизни выделяются процессы унификации гастрономики – сферы пищевых практик и культуры питания, взятой в информационно-семиотическом аспекте. В дореволюционной российской культуре важное место занимала категория вкуса, сопряжённая с получением удовольствия, были характерны представления о связи определённых видов пищи и её вкусовых качеств. В современной России стирается граница «вкусного» и «невкусного». С одной стороны, на первый план выдвигаются критерии рационального питания, предполагающие формулу «невкусно, но полезно», с другой – ускоряющийся темп современной жизни не предполагает возможности наслаждаться вкусом. Приобретают популярность полуфабрикаты («Суп минутка» и др.) и сети быстрого питания («Макдональдс», «Чикен Хаус» и др.), предлагающие стандартное меню. Выбор продуктов питания и каналы их поступления однообразны, а контроль за их качеством оказывается в руках производителей, ориентирующихся на извлечение максимальной прибыли. В результате возникают хронические заболевания желудочно-кишечного тракта: язвенная болезнь, «хронический гастрит». Процессы гомогенизации и опубликования гастрономики не только неизбежно сказываются на здоровье, но и приводят к созданию новой повседневности современного человека, включая трансформацию бытовых ритуалов и создание иного типа телесности.

В современной российской культуре границы телесности становятся всё более условными. Эта тенденция ярко демонстрирует второй, неблагоприятный тип адаптации, личностно и культурно бесперспективный. Человеку предстоит переосмыслить своё отношение к собст-

венному телу, выработать стратегии правильного конструирования соматического пространства.

Список литературы

1. Буянов М.И. Пол. М.: РОМ, 2004. 192 с.
2. Быховская И.М. Homo somaticus: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС, 2000. 182 с.
3. Дери М. Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков / пер. с англ. Т. Парфёновой. Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ, 2008. 478 с.
4. Зиммель Г. Мода // Избранное. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 266–291.
5. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М.: Академический Проект, 2009. 943 с.
6. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 224 с.
7. Ломброзо Ч. Преступный человек / пер. с итал. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 880 с.
8. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005. 448 с.
9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия: пер. с фр. / под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювенита, Наука, 1999. 608 с.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологического анализа. М.: АСТ, 2009. 639 с.
11. Тоффлер Э. Футурошок: пер. с англ. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
12. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 290 с.
13. Цинклер Е. Чрево Петербурга // Рос. газ. 2012. 28 июня. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/06/28/komma.html>
14. Шмерлина И.А. Мода и манера одеваться: опрос населения. [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/cult/dd063714>
15. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации / пер. с нем. А. М. Руткевич. М.: Университетская книга, 2001. 382 с.
16. Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 8--31.
17. Тягунов А.А., Евстифеева Е.А., Майкова Э.Ю., Козлов А.Г. Риски личностного пространства: приватность и информационная безопасность // Вестник Тверского государственного технического

университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 11–16.

18. Hall E. The hidden dimension. New York: Doubleday, 1966. 135 p.

**THE PROBLEM OF THE PERSONAL PRIVATE SPACE
DESTRUCTION: THE LIMIT OF THE CORPOREAL IN
CONTEMPORARY RUSSIAN CULTURE**

T.V. Volkova

State academy of Slavonic Culture, Tver

The article examines the processes of corporeal boundaries destruction taking place in contemporary Russian culture. The corporeal is interpreted as a center of everyday and private space of personality. The main directions of adaptation generated by deformation of the corporeal in contemporary culture are revealed.

Keywords: *human flesh, corporeal, daily life, privacy, adaptation, stress.*

Об авторе

ВОЛКОВА Татьяна Владимировна – аспирантка кафедры теории и истории культуры ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры», Тверской филиал. E-mail: 4zmb@mail.ru.

Author information

VOLKOVA Tatyana Vladimirovna is a Ph.D. student of the Dept. of Theory and History of Culture, State Academy of Slavic Culture, Tver. E-mail: 4zmb@mail.ru.